

РЕЛИГИОЗНЫЕ И ВНЕРЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАНСКРИПЦИИ ПРАВСТВЕННЫХ БЕЗДН И ДУХОВНЫХ ВЕРШИН

В. А. Костенич

Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова

Могилёв, Беларусь

E-mail: kosvladan@mail.ru

Пространство «веры в Веру», его базовые оппозиции, традиционно представлены в определённой «экстатике» душевных страстей и их духовных противоядий. Одновременно, лексика (любой) религиозной аксиологии, оставаясь априорно теоцентричной, тем не менее, всегда (потенциально и парадоксально) центробежна, ибо наделена пафосом сакрального прозелитизма, стремится «освятить» своими трансцендентными смыслами «мирскую» территорию человеческой сущности. Именно в этой связи, религиозное сознание оперирует целым рядом категориальных фиксаций, которые призваны очерчивать (значимые для него) «адские бездны» и «райские кущи» экзистенциального бытования (верующего) человека. В частности, к их числу можно отнести такие «смыслоСостояния изверившегося (или «неверного») бытия», как «богохульство и кощунство» и, духовно оппозирующее им, «благоговение».

Богохульство знаменует собой высшую форму (воинствующей и витийствующей) атеистической деструктивности. Бог атакуется персонально и фронтально, без суесловия лингвистических лукавств, без болеуто(м)ляющей дипломатии экуменических реверансов и толерантной политкорректности. Богохульство ополчается на сам «факт» существования «Абсолютной Сущности», обретшей «антропологический Лик» и явившей себя в «историческом бытии человечества». Сама «абсолютность Абсолютного» вызывает гнев негодования и провокационную жажду «линчевать миражи».

Богохульство, по-своему, некрофильно. Оно, как Фома Неверующий, желает развенчать Абсолютное, погрузив в Его плоть конвульсирующие руки собственного (инфицированного) любопытства. Кредо богохульства предельно антагонистично: «Бог не умер! Его просто «нет!» в любом(!) экзистенциальном обличье!» Иначе говоря, сама возможность богохульствовать и есть прямое «доказательство» Его отсутствия! Если Абсолют(ное) запаздывает с возмездием за «поруганную честь», следовательно, «грош Ему цена» и всякая теодицея лишается практического и теоретического смысла, считают инсургенты богоборчества.

Кощунство более «трансгранично», так как выступает опосредованной и обмирщённой формой духовной негативности, включающей в себя не только «религиозные», но и светские сюжеты «циничного бытия». В своей религиозной актуализации, кощунство активничает в зоне «творческих проекций» божественных воплощений. Сам Бог не отрицается! Но Он сатанински искушается на дуэль с пигмеями духа, возомнившими себя «новыми абсолютами» и карамазовски полагающими, что «всё дозволено» в области «человеческого слишком человеческого».

Для кощунства нет никаких неприкосновенных «сакральных святынь», чьё существование нельзя было бы поругать святотатством небрежения и изуверской беспринципности. Отсюда, например, вандализм краснодарского совершеннолетнего «недоросля», потушившего сигарету об икону у входа в храм Архангела Михаила, а затем чванливо и безмозгло выложившего фотографии своих действий во всемирную(!) паутину. Или, приснопамятные историческому взору, Pussy Riot, устроившие «шабаш хорального беснования» в храме Христа Спасителя в Москве. Или, кощунственный инфантилизм «продвинуто-сдвинутого геймера», который играл в православной церкви Екатеринбурга с «виртуальными глюками» Pokemon Go.

(В)не религиозные ипостаси кощунства начинаются там, где «аминьствующие алтари» богопризнания покидают многоликие артефакты своего «культового» существования и транслируют семантику «святости» в светские зоны повседневного бытия, нуждающегося в подпитке (идеальной) абсолютностью человекофундированной гуманности. Здесь (внекультово) культивируется «человечность», не обожествляемая, но богоподобная. «Божественное», при этом, предполагается «идейно», в качестве «смыслового горизонта» человеческих интенций, ориентированных на «принципиальную ответственность» за все свои «инициативы в бытии». Кощунство же тщится разрушить их «духовную вертикальность», оставить человека на ступени витальной ангажированности и постмодернистской карнавальности. «Высокое и Истинное» объявляются (интеллектуально или поведенчески) «фантомными издержками культового сознания», не способного к «самочинному» активизму и деконструкции экзистенциальных неприкосновенностей.

Одним из (возможно, неожиданных) проявлений кощунства является «инцест», правда, интерпретированный в расширенной (культурно-исторической) категориальной версии. Обычно, под инцестом принято понимать «сексуальную близость» между (едино)кровными родственниками. Подобная «абсолютная (телесная) близость» осуждается по «генетическим» и, выводимым из них, «историческим» основаниям. Инцест чреват «биологическим вырождением» и по(э)тому он «самоубийственен» с точки зрения воспроизводства (качественного) «человеческого материала». Однако, на наш взгляд, инцест содержит в себе и культурологическую реактивацию. Он является концептуальной калькой «светского кощунства», так как аннулирует не (с)только генетические противопоказания для нашей «природы», но и «античеловечен» в своём обскурантизме по отношению к «совести», задающей абсолютные границы нашей «человеческой сущности».

Когда, например (возобновляя оптику иллюстраций), мы узнаём из средств массовой информации о том, что некие «гламурные особи-особы» позволяют себе устраивать «рекламную стриптиз-хореографию» у Святого Огня или фоново рекламировать там же «нижнее бельё», у нас есть веские основания описывать данное поведение в терминологии инцеста, ибо оно оказывается вульгарным панибратством со святынями социальной памяти, попыткой «породнить себя» с высшими образцами человеческого подвижничества через забвение сакральной дистанции с ними.

Что же способно религиозно и культурно-исторически противостоять вышеупомянутым деградациям и регрессам человеческого духа? Наличествует ли в нашем социальном пространстве «должная реакция» на богохульные кощунства телесного низа и завистливой гордыни межеумочной фамильярности к Абсолютному и «человечному»? Как представляется, ответ должен быть позитивным экзистенциально и мировоззренчески. В культуре присутствуют и полифонично бытийствуют (многократно апробированные в ней) свидетельства «святого (светлого) духа», которые концентрируются вокруг «катарсических резонансов благоговения».

Благоговение, первично, отсылает нас к религиозному преклонению человеческого естества перед лицом почтительной радости от теофаний Творца, позволившего себе избрать человека (или какую-либо «Мы-общность») в качестве «вестников и евангелий» Его откровений; трансляторов сакральной предельности и «неопалимых купин» Его попечительной Мудрости. Человека окутывает альтруистический(!) страх «богоизбранности», непосильной и ответственной одновременно. Свершается таинство подлинного (экзистенциального) причастия к «крови и плоти» теистического Смысла, заполняющего человеческую душу «слезами умиления» и зрячей жертвенности.

Благоговение пре-возмогает и пре-восходит спонтанности телесных экстазов и душевных восторгов с их бессознательной повязанностью искушениями эротизированной гедонистичности. На авансцене духовного взора проступает коленопреклоненный трепет изумления перед софийными шифрами мироздания, извлечшими человеческую самость из такого восприятия Сущего, которое оккупировано аналогиями и ассоциациями

«прикладного характера». Словно в «храме бытия», мы начинаем слышать не столько литургические «голоса поющего хора», по земному, славословящие Творца, сколько литургичность как таковую, а капельность беззвучных архетипов священнодействия духа, прорвавшегося к преддвериям Первого «Да будет!»

Вместе с тем, благоговение эксплицирует и глубинные ресурсы «этической вменяемости», наличие (безоговорочной) приязни к Абсолютному и Святому, обращённость к эхографии совести и способность выразить свою личностную персональность в каллокогати ежедневной пронзительной Чуткости. Чуткости, достроенной до сродственности Общечеловечного! Благоговение общечеловечно в том плане, что посредством его «проживания» человек обнаруживает свою конгениальную соположенность с «историей побед Человеческого Духа» в её распределённой фактичности и преображающей фактурности.

Со времён Аристотеля «прародиной» философских благоговений о бытии считается «удивление». В своей экзальтированной версии оно трактуется как «смысловое цунами» таких содержаний Сущего, которые вводят человеческий разум в смятение мировоззренческого гештальта. Зримые «очевидности» повседневного бытия обнаруживают свою «скрытую глубину». Мир ценностно трансформируется в нечто «иностранно проблемное», в нём обнаруживаются сингулярности бытийных «первоединств» и смыслоЛиков. Рождаются гераклитовские «пожары сознания», начинающего стенать пеленой «недоум(н)ений». Человек оказывается задет и захвачен молниями духовных «разрывов», ослепительных и ослепляющих одновременно.

В этой зоне травматической смуты, «вдруг» настигающей человеческое существование и изумляющей нас своими «сказками», человек первично «теряет речь», ресурсы его косноязычного словоблудия истончаются до «онемения», он весь – отныне – сплошная растерянность и взволнованная протрация. Ему брошен вызов на дуэль понимания. Дух обнажён до «зубной боли в сердце». Слова теряют свою привычную внятность и «складную» респектабельность. Исходя из текстуры «вдруг-удивлений» и сопровождающих их травматических корректив нашего «присутствия в Сущем», а также с учётом (единовременного) слома привычных речевых практик обживания смысла, возникает потребность в каком-то определении той «базовой реакции» на синергетические зоны повседневности, которая ориентирует человека в «трансцендентальном направлении» его жизни. Она должна быть достаточно значимой и драма(т)ургичной верификацией нашей потрясённости «святынными зовами бытия».

На наш взгляд, в полной мере данным требованиям и ожиданиям соответствует «аксиология катарсиса», свидетельствующая о резонансных трансформациях человеческой личности, перед лицом «сакральных» (для его душевной конституции) волн экзистенциального обновления. Жизнь в ауре катарсиса обнажает свою (вечную) окликнутость бытийными «Благо»склонностями Истины, Добра и Красоты и провоцирует стихийные поиски вертикальных горизонтов собственной бездны. Катарсис оказывается одновременно и «квазирелигиозной» онтологемой Сущего и антропологическим обнаружением прорывов человеческого мировосприятия. Безличное и лично(стн)ое обнаруживают свою «единокровную укоренённость» в феноменах осциллирующего бытия.

Объективируя мировоззренческую фокусировку на смысложизненных аспектах повседневного существования, «выкликая» человека к диалогам с собственной сущностью, подкупая его благоговениями «восторженной растроганности» от встречи с овременённой Вечностью, катарсис приглашает нас на randevu с некими изначальными (и, как бы, «смыслотворными») для человеческого «присутствия» духовными испытаниями. Душа оплодотворяется духовным зрением! «Отче наш...» символически звучит отныне, как активированный гимн богоподобному в Человеке, а не как поминальная молитва наших бытийных грехопадений!

По-видимому, коллективная и коллегиальная сверхзадача всех «формаций человеческого духа» (искусство, религия, философия) состоит в том, чтобы культивировать

предрасположенность нашей не (дву)личности к поискам и обретениям духовного ясновидения, индцировать «эстетику безобразного» (богохульство, кощунство, цинизм) и артикулировать в собственном сознании и социальной практике катарсисы благоговейного почтения к тварным «подвигам» добротолубия человеческой усердности, её пафосу отрицания любых и всяческих «бесов» своего «животного подполья». Религиозная же (в частности, православная) традиция «одержания» подобных «исчадий мрака» и накопления опыта «светлого умо-зрения» божественных флюидов Сущего, по-прежнему и навсегда, абсолютно актуальна, ибо транслирует и пестует Абсолютное!

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова